

Саша знала, что это сослужит ей хорошую службу. Она влезла не в свое дело. Нет, что еще важнее, она ввязалась. В Найт-Сити никто не имел права ввязываться. Как только дело переходило на личности, Эджраннеры погибали. Но, черт возьми, Саша не надеялась, что ее мама гордится ею... Она надеялась, что десятилетняя Саша тоже знает, что поступает правильно... Если ее собираются уничтожить призраки ее прошлого, она хотела, чтобы они хотя бы гордились ею.

Последний дроид едва держался на ногах. Саша подумала, что его расплавленное шасси должно было функционировать только за счет роботизированной злобы. Тем не менее он направил на нее свой бластер. Саша уставилась в светящийся ствол перегретой плазмы. Она отшатнулась назад, сделав акробатическое сальто, и перепрыгнула через стол.

Мир замедлился, как будто Саша оказалась в эпицентре ада. Ее бластерный пистолет поднялся и был наведен на цель в воздухе. Последний дроид нашел в себе силы нажать на спусковой крючок. Саша дала столько же, сколько получила. Болты перегретой плазмы полетели между ними. Нанеся урон, дроид не сделал ни одного выстрела. Саша не промахнулась.

Ее зрение затуманилось, в уголках глаз стояли слезы. Но палец на спусковом крючке не дрогнул. Но конец ее был близок, она знала. Оставались считанные секунды. Даже если дроид не мог прицелиться, чтобы спасти свою жизнь, путь Саши был намечен. В окне за ее спиной зияла дыра от пропущенных выстрелов дроида. Все, что ее ждало, — это падение с высоты многоэтажного дома и последний сюрприз, который она оставит после себя. Даже когда последний дроид упал, рассыпавшись искрами и расплавленным металлом, а через дверь хлынуло подкрепление, Саша смирилась со своей участью.

В свои последние мгновения она просто позволила себе летать. Вылетев в окно, пролетев над падающими внизу деревьями, Саша... Отпустила себя. Ее смерть была далеко не бессмысленной. Она одержала свою победу, отомстила. Галактика узнает об обмане CAP-com. Она запомнит историю Саши. Смерть мамы не останется без ответа. Мэйн, Бекка, мама... Саше оставалось только молить о прощении, когда она начала падать.

Взрыв потряс офис CAP-com. Последний сюрприз Саши прошел без сучка и задоринки. Ударная волна тепла и силы лизнула тело Саши, но она уже падала, падала, падала... Ночное небо Нар Шаддаа встретило ее падение. Чистое черное небо, в котором из-за светового загрязнения не было видно ни одной звезды. В этой темноте она увидела себя десятилетнюю. Она видела слезы девочки, которая смотрела, как ее мама умирает бесславной, бессильной смертью, забыв в конце концов о своей дочери и даже о себе. Саша раскрыла объятия своей юной сущности. Вместе они плакали о том, что могло — должно было — быть.

То видение в черноте было последним, что она увидит. Она смирилась с этим. Она позволила боли прийти. Она... Оказалась не такой страшной, как она себе представляла. Саша чувствовала, как она ломается... Не ломается, не разбивается, еще нет.

Загробная жизнь пришла к ней как сон. Ее мама, призрак Саши, которой больше не было, — обе плакали о ней. Обе приняли ее с распростертыми объятиями. В калейдоскопе психоделических красок Саша примирилась со своим прошлым. Однако ее настоящее так и не

пришло, чтобы присоединиться к ним. И в конце концов Саша снова проснулась.

Ее сознание было затуманено. Она была разбита, но не сломлена. Добрые, но крепкие руки заботились о ней. Зрение то появлялось, то исчезало со временем. Сотня маленьких вспышек восстановления. Боль... Уходила из нее неуклонно. Настоящее сознание не приходило. Но она не была мертва. Каким-то образом...? Она оказалась... Спасена...?

Впервые в жизни над ней сияли звезды. Под пристальным взглядом и возложением рук Саша исцелилась. Она не могла двигаться. Не могла даже плакать. К счастью, у нее уже не было слез. Она смирилась. Мама гордилась ею. Это она помнила больше всего из своего смертного сна. Мама не забыла ее. Почему-то Саша знала, что этот сон был более реальным, чем она могла бы выразить. Мама гордилась, она помнила, и в смерти она любила Сашу еще больше.

Этого было достаточно, чтобы сердце и душа Саши успокоились. Изломанная, как и прежде, Саша обрела покой. Она могла сосредоточиться на исцелении — на своем настоящем и будущем, — зная, что ее любят за завесой.

Она не видела своего спасителя ни в одной из сотен маленьких вспышек восстановления. Но она их чувствовала. Их руки — исцеляющие, кормящие и побуждающие ее к выздоровлению. Они были теплыми и добрыми. Сильными и твердыми. Настоящими. Они не позволили бы ей ускользнуть. Саше было безопасно доверить себя им. Даже во сне, когда она выздоравливала, эти руки были рядом. Единственные, кого Саша знала как настоящих, сильных, добрых... Стоит ли удивляться, что она полюбила и жаждала их прикосновений?

Она хранила их в своих исцеляющих снах. Она мечтала об их прикосновениях по всему телу. Не просто исцеляющие или собирающие ее по кусочкам, но и задерживающиеся после этого в сладких ласках. Она представляла, что узнала их лучше, чем себя. Каждая складочка и морщинка на этих ладонях была для Саши как карта, ведущая ее в настоящее.

Сколько времени Саша потратила на исцеление, она не могла знать. Она почти не осознавала, когда к ней вернулись реальность и настоящее сознание. Но в свое время они вернулись. Саша оказалась в тускло освещенной комнате, лежа на кровати, которая, казалось, не соответствовала остальному окружению. Она была пышной, мягкой и удобной. Все остальное было темным и обветшалым. Грязным его не назовешь, но это явно объяснялось лишь тяжелой работой.

Она потянулась к знакомым рукам, чтобы закрепиться в реальности. Она удивилась, когда смогла пошевелиться. Движения были скованными и трудными. Но чудесным образом не причиняло ни малейшей боли. Пересохший язык безуспешно пытался смочить столь же пересохшие губы.

— Ч-что...? — прохрипела Саша.

Как всегда, целебные руки быстро пришли на помощь. Саша почувствовала, как сердце едва не разорвалось от облегчения. На долгий, блаженный миг они были всем, что имело значение.

Затем они помогли ей сесть и поднесли к губам бокал. Саша жадно глотала воздух.

<http://tl.rulate.ru/book/124832/5253913>